
Евгений ЭРАСТОВ

* * *

Холодная весна охватит чувством новым.
В окошко поглядишь — там, около крыльца
Дуб с кленом обнялись, как Герцен с Огаревым,
В желании своем бороться до конца.

Как много было чувств! Как пламенели взоры!
Мерещились в ночи великие дела.
Как были высоки им Воробьевы горы!
О, как в закатный час сверкали купола!

Но тайну стерегла блестящая природа.
А юноши еще витали в облаках
И жизнь свою отдать хотели для народа,
В то время как народ толкался в кабаках.

Как было на душе томительно и сладко!
Вот ураган пройдет, и будет благодать.
Казалось им — они творцы миропорядка.
Прошло так много лет, но русскую загадку
Никто из нас не смог, как ребус, разгадать.

А «Колокол» гудит над Лондоном тревожно,
Из «Искры» костерок рождается в жару.
Как страшно быть в плену идей пустых и ложных —
Уж лучше трепетать листвою на ветру!

* * *

Во времена Веспасиана
И Леонида Ильича
Я не боялся ни обмана,
Ни гепатита, ни ВИЧа.

Веселый, ловкий, загорелый —
И я торчал в очередях,
А телевизор черно-белый —
Невзрачный, пыльный — то и дело
Трещал о съездах и вождях.

Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Дружба народов», «Звезда», «Наш современник», «Новый мир», «Сибирские огни», «Подъем», «Юность» и др. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг. Живет в Нижнем Новгороде.

Хранила школьная тетрадка
Плоды незрелого труда,
И пахли приторно и сладко
Эфиром смоченная ватка
И на газонах резеда.

В частных снах — приятных, ватных —
Опять ведет меня судьба
Под сноп колосьев благодатных
Того, советского, герба.

Там замерзали в мае лужи,
Когда черемуха цвела.
...Я не о том, что стало хуже,
Там просто молодость была.

* * *

В стране нувориша и хама
Не стоит пенять на судьбу.
Свершается пошлая драма,
И спитса от фенозепамы,
Как мертвой царевне в гробу.

Какой-нибудь яркий повеса,
Воспитанник граций и муз,
Владелец дворца, «мерседеса» —
Австриец, бельгиец, француз.

Мечтаешь о призрачном чуде,
О сказочной дивной поре
И ждешь, что царевну разбудит
Какой-нибудь принц Дезире.

Такой удивительно скучный,
Что твой алиментщик в бегах,
Прохвост, Хлестаков злополучный,
Изысканный Кот в Сапогах.

Буди же ее, мафиозо!
Смотри, как вздымается грудь!
И вытри ей девичьи слезы,
Чтоб вновь, отойдя от наркоза,
Поверить в особенный путь.

* * *

Крис Кельвин в «Солярисе» смотрит в окно —
Большое и круглое. Долгого зора
Нельзя оторвать, так и это кино
Смотрю я и глаз не свожу с монитора.

Тарковские шорохи нежной травы,
Прибрежной, что резалась так и кололась,
О совести нам не расскажут, увы.
О совести нашей твердит Банионис —
Последний осколок советской Литвы.

В тугое пространство кидает слова,
По станции шастает в штаниках узких.
Давно независимой стала Литва
От шведов и немцев, поляков и русских.

Партийный сатрап, диссидент, уркаган
Разрушить решили Империю Страха,
Чтоб в крошке Литве захудалый орган
Пленял фа-минорной прелюдией Баха.

Привет, демократия! Совесть, проснись!
А Хари придет — то одна, то другая,
И в женской истерике выдохнет: «Крис!»
Заткнись, не вопи, ты фантом, дорогая.

* * *

Заросли черемухи душистой
Над оврагом девственным, немым,
Этот Символ Веры пацифиста,
Веры той, что вечно будет с ним.

Этот запах приторный, щемящий,
Сладкий, оглушительный, родной,
Порожденье жизни настоящей —
Трепетной, минутной, шелестящей,
Шелковой, ажурной, кружевной.

Порожденье жизни целокупной —
С шумным плеском плоского леща,
С грохотом грозы сиюминутной,
С шелестом осины шелопутной,
Что живет в своей тревоге смутной,
На ветру холодном трепеща.

С небом перламутровым и мгlistым,
Где струится птичий звукоряд.
Заросли черемухи душистой,
Мокрой, мягкой, нежной, серебристой
Мне о Вечной Жизни говорят.

* * *

В Шпандау, крепости ребристой,
Я на сухой траве лежал,
И надо мною воздух чистый
Слегка слоился и дрожал.

Молчали каменные плиты.
И Богу задал я вопрос:
«Mein Vater, sagen Sie mir, bitte,
Давно ли горе началось?»

И протестантский Бог ответил,
Что в войнах вовсе нет вреда,
Что обязательны на свете
Страданье, горе и беда.

Что если б села не горели
И не взрывали бы метро,
Тогда бы люди не сумели
Понять, где зло, а где добро.

А с неба лился чистый, вечный,
Мучительный, слоистый свет.
Он был лучистый, бесконечный,
А горя в этой дали млечной,
Казалось, не было и нет.

О смертном зная приговоре,
Я все ж не плачу, а живу.
...Mein liebe Gott, возьмите горе!
Сухую дайте мне траву!

* * *

Всех выскочек и ловких парвеню,
Торгующих свининой алексашек,
Орловых гришек, горничных агашек
Из русской тьмы не вырвать на корню.

До трапезы вольно им почивать
И ставить в ряд услужливых лефортов,
Покуда будет пить и пировать
Усатый черт в заляпанных ботфортах.

Шуты, шутихи, карлики, цари —
Они все вместе в общей грязной своре
О смертном и не знают приговоре —
Они ничтожны, что ни говори.

Как тошно здесь! И видно за версту
Притихшую на листике козявку.
Надев очки, она читает Кафку,
И «Чупа-чупс» шевелится во рту.

Как ты противен, пошлый маскарад!
Свиные морды, гадкие корыта.

И только затонувший Китеж-град
Еще тревожит тайной нераскрытой.

* * *

Зимних сумерек синие краски.
Час пройдет — не увидишь лыжню.
Жизнь прошла в суете да в опаске.
Жили наспех, не верили в сказки
И рубили мечты на корню.

И рубили мечты, словно мачты,
Так неловко крутили штурвал,
Пока гладил нас крупнонаждачный
Айвазовский чудовищный вал.

Перестрелка, больничная койка,
Писки, иски, судебный бедлам.
Как неловко же ты, перестройка,
Проскакала по нашим телам!

Венский гуру восстал из могилы,
Чтоб разгадывать вещи сны
Этой бешеной сивой кобылы,
Что вчера нажралась белены.

Отрывайся, крапивное семя!
Пей-гуляй на шнифтах у мента!
...Полчетвертого. Детское время.
Близорукий январь. Темнота.

ГАДАНИЕ РУССКОМУ ПЛЕННОМУ. ВЕНА, 1918

Скользит под юбкою колено
У австриячки молодой.
«Вы погадаете, Мадлена?
Смотрите, как нависла пена
Над тазом с мыльной водой!»

Мадлене нравится вниманье.
И в предвкушении гаданья
Всю пену вылила в Дунай.
«Тебе, красивый русский Ванья,
Без деньги буду я гадай!

В России жизнь теперь двоятся —
Владимир справа, слева — Лев.
И ваша кровь для них — водица.

О, с ними лучше не водиться!
Ты мог бы жизнью насладиться
В Череповце, у дамы треф.

О, сколько зависти на свете!
Кругом шестерки — посмотри!
Тебе совсем не будет дети,
Но дамы будет сорок три.

А смерть, скорей всего, от пули.
Ну да, пробита голова.
Казенный дом. Конец июля.
Знамена. Лозунги. Москва.

Король червонный. Сколько света!
Священна к родине любовь!
Но у бубнового валета
На алебарде ваша кровь.

О Ваня! Не беги из плена!
В Москве крамола и измена,
Там каждый миг грозит бедой!» —
«Довольно сказок нам, Мадлена!» —
Воскликнул русский молодой.

В конце июля он родился
И помнил нянюшку в чепце,
Как он читать, писать учился
У дьякона в Череповце.

Он так любил в полях ромашки,
И стрекозу на рукаве
Домашней клетчатой рубашки,
И треск кузнечиков в траве!

Весь мир июльской полон жажды!
Как набухает в поле рожь!
Но было сказано, что дважды
В одну ты реку не войдешь.

И в мире, где так мало света,
Где никаких не будет тайн,
Он много раз припомнит это —
Гаданье, Вену, Madelein,

Дунай извилистый и мгlistый,
Притихший вальс, и темный храм,
И в садике жасмин душистый...
...Вот и закончен путь кремнистый —
Арест, Лубянка, девять грамм.

* * *

Душою Божьи, а телом — княжьи.
Здесь бездорожье, одноэтажье.

Штакетник хилый, петух понурый,
Кривые вилы, худые куры.

Рыбачья леска да плоскодонка.
Гниет подвеска у «жигуленка».

В раздольном поле одна полова.
У тети Поли мычит корова.

Нас не погубят американцы.
В заштатном клубе сегодня танцы.

Стопою твердой идем мы к рынку.
Засунь-ка, гордый, подальше финку.

Мы телом княжьи, душою — Божьи.
Одноэтажье и бездорожье.

* * *

Повезло мне — тюремных обид
Я не знал и гулял без конвоя.
Синий плат над моей головою
На квадратики не был разбит.

Ты меня миновала, беда,
Злополучный удел доходяги.
Как светла облаков череда!
Как безвылазны наши овраги!

Счастлив тем, что в барыжьем краю
За полушку не продал таланта
И настраивал лиру свою
На болотной травы эсперанто.

Плавунцов бессловесный язык
Был, как русский язык, мне понятен,
И, цветов полевых ученик,
Я носил свой небесный дневник
Весь в закладках от солнечных пятен.

Я хлебнул из кастальской струи —
Ледяной, перевозданной, проточной.
Я везунчиком был, это точно!
Так растите — светлы, непорочны,
Полнозвучные строки мои.